

Алекс Маркман

Выбор на свободе

*Часть сборника
Заблудшие души (сборник)*

Алекс Маркман

Выбор на свободе

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4950575

ISBN 978-1-926720-30-2

Аннотация

У главного героя «Выбор на свободе» есть только два варианта: либо помочь своему другу, оставшемуся в лагере, и подвергнуть себя и жену опасности, либо нарушить свои принципы и бросить друга на произвол судьбы. Их разделяет многое: образование, культура, национальность. Однако в трудных обстоятельствах не это определяет дружбу и вынуждает людей пройти через ад, но сохранить верность принципам и сдержать слово.

Алекс Маркман

Выбор на свободе

Оперативник неторопливо вытаскивал из его рюкзака вещь за вещью, внимательно изучая каждый предмет. Все, без исключения, было такое барахло, которое не подобрал бы даже самый отчаявшийся нищий. Очередь дошла до потрепанной тетрадки. Оперативник перелистнул несколько страниц, и на его каменном лице брови поползли вверх от удивления. На каждом листе были рисунки, сделанные довольно хорошо, человеком явно талантливым. С пожелтевшей бумаги угрюмо смотрели уголовники, с которыми его подопечный сидел. Их лица, исхлестанные годами лагерного быта, как будто освещались внутренним светом, исходящим из души. У одних это был недобрый огонь злобы и предательства, у других – силы и достоинства. Оперативник хорошо знал их всех, и был немало удивлен, насколько верно была подмечена сущность каждого.

– Кто рисунки-то рисовал? – спросил оперативник.

– Я. Кто же еще?

Оперативник невольно кинул взгляд на его грубые, прокопченные загаром руки.

– Учился где рисовать, что-ль?

– Учился. В твоей школе. Все кумовья помогали советом.

– Да ты не ершись. Я тебя ведь сейчас отпущу на свободу.

– Где я мог учиться? Здесь впервой и попробовал, что-б время убить.

– Эх, Николай, Николай – вздохнул оперативник. Он вырвал из тетрадки два рисунка: лицо человека, совсем не похожего на уголовника, и две руки в крепком пожатьи, как это делают люди встречаясь или прощаясь.

– Эти рисунки я изымаю – сказал оперативник.

– Для музеев, что-ль? – весело спросил Николай. – Могу по заказу сделать.

– Вместо того, чтобы денег заработать на освобождение, ты рисунками занимался, да дружбу водил вон с такими. – Оперативник кивнул в сторону изъятого портрета. Потом оглядел барахло, разложенное на столе.

– Тебе твой друг не передавал ли чего? – спросил оперативник, внимательно наблюдая за выражением лица заключенного. Потом помедлил секунду и махнул рукой. – Все равно не скажешь – пробурчал он, будто отвечая самому себе. – Держись подальше от таких. – Оперативник давал советы равнодушно, без энтузиазма. – Попадешь в беду такую, что не выбраться. Бесполезно, однако, толковать тебе. Забирай свое тряпье и уматывай. Свободен.

Свободен! Одно слово, как пароль, на границе двух миров! А граница то, всего метров десять – пятнадцать запрещенной полосы, на которую не должна ступать нога человеческая.

Николай вышел за ворота лагеря и на мгновение застыл,

пораженный майской красотой мира Божьего. Лязгнули замки за спиной, как бы давая знак уходить. И Николай двинулся в путь.

Пройдя около километра, он остановился и оглянулся, прислушиваясь. Зловещий забор с шестью рядами колючей проволоки и путанки скрылся из глаз. Ни впереди, ни сзади, не было ни души, как будто все живое попряталось от него. Он стал внимательно приглядываться к плотной стене леса по правой стороне дороги. Пройдя еще минут десять он заметил на засохшем дереве едва заметную голубую веревку, а под ней начало такой-же неприметной тропы. Оттуда, из чащи, раздался тихий, едва уловимый свист. Николай свернул на тропу и стал продираться в зеленую гущу, раздвигая спутанные ветки и сбрасывая с себя паутину, пауков и мертвых жуков. Свист повторился над самым его ухом. С дерева прыгнул человек, стриженный и в зэковской робе с биркой на груди, похожий на персонажи из сказок, которыми мамы пугают детей словами: «придет бабай, утащит тебя в лес и съест». Он улыбался металлическими, сделанными лагерьным умельцем зубами. Передние два зуба были выбиты, и на их месте зияла дыра. Толстый шрам пересекал лоб странным узором: от самого верха левого виска через лоб вниз до правого виска, а там резкой петлей огибал бровь и заканчивался возле уха. Это был именно тот, кого Николай искал, приятель давних лет, с которым они жили в одном поселке до посадки. Леха тянул срок за попытку убийства: нанес три

ножевые раны в драке да, по его словам, неудачно: потерпевший, паскуда, выжил и Леха отделался шестью годами лагерей и горечью неудачи.

– Привет, Леха.

– Привет, Никола. Ты че запоздал? Того гляди, меня хватятся. Загонят опять в лагерь с безконвойки.

Леха имел право работать днем вне лагеря, без конвоя, а вечером должен был возвращаться к себе в барак. Такую привилегию этот несостоявшийся убийца получил за хорошее поведение.

– Кум приговорил, – объяснил Николай. – Все хотел найти, не передал ли мне Ефим чего. Ну, давай передачку-то, пора в расход.

Леха достал из кармана и протянул ему запечатанное письмо и очки без одного стекла.

– В следующий раз, если что надо передать, положи вон в то сухое дерево, там дыра есть большая, виш, вон там. А я, если чего надо, тебе там оставлять буду. А Люську увидишь, передай ей, пусть деньги отдаст подобру, паскуда. Передай ей, что если она, курва, деньги истратила, ей не жить на свете. Я тут из-за нее и ее хмыря сижу, а она даже подогрев мне послать не хочет. Ну, ладно с этим. А на счет связи и всяких передач, ты знаешь, на меня можно положиться. – Это была правда. Леху можно было пытаться, грозить смертью, он не выдаст, не продаст. Такие все были у Николая друзья. Таков он был и сам.

Ну, хорош, расход – подытожил Николай. – Скоро ты от меня услышишь.

Николай вышел из чащи на дорогу и спокойно зашагал по направлению к станции. Ходу было километра три по лесной дороге которая, казалось, была наспех проложена через зеленый рай. Запах весенней земли, залежалой и свежей хвои пьянил так, что кружилась голова. Он оглянулся на ходу – по-прежнему никого. Только деревья шуршали листвой в ласковых порывах легкого, теплого ветра, будто стыдливо сплетничая о нем. А когда ветер затихал, березки переставали шептаться и застывали дремотно, равнодушные ко всему, кроме своих лесных забот. Лешие и злые духи, если они и водились здесь, спрятались в чаще, наблюдая за ним с опаской и любопытством. Он остановился и прислушался. Наступившая тишина зазвенела у него в ушах, иногда прерываясь лесными шорохами или гулким криком филина издалека. – Фу-бу, фу-бу – послышалось из глубины леса. – Ку-ку, ку-ку – был ответ с другого края, и все опять погрузилось в звенящую тишину.

Николай поправил рюкзак за плечами и отправился в путь. Через час он пришел на вокзал и не спеша осмотрелся. На перроне крошечной станции, в разных концах его, сидели на лавках ожидающие. Как-то странно было видеть людей без надзора конвоя. При его появлении три бабы, повязанные платками, придвинули к себе поближе свой нехитрый скарб. Трудно было ошибиться, откуда он. Лицо, обожжен-

ное загаром и ветром, стриженная голова, веселый, но злобный взгляд – каждый спешил отвернуться, чтобы не привлечь его внимания. Разговоры смолкли, только на сей раз вместо шуршания листвы был слышен шопот баб. Они украдкой поглядывали на него и осуждающе качали головами.

Четверо мужиков, по-видимому из местных работяг, расположились на другом конце перрона. Эти тоже наблюдали за ним с любопытством. В ответ Николай стал их разглядывать открыто и нагло, пытаясь отгадать, нет ли среди них переодетых ментов. Трое работяг отвели взгляды, а четвертый был упрямый, глаз не отводил, показывая, что готов принять любой вызов. Николай ответил ему улыбкой бывшего каторжника: оскал желтых от чифира и курева зубов, и напряженный, хмурый, изучающий взгляд. Мужик резко отвернулся, нервно затаился и с фальшивым интересом уставился на здание вокзала. В этот момент одна из баб разрядила обстановку пронзительным окриком.

– Эй, орел залетной, подь-ка сюда. – Обращались явно к нему. Николай обернулся и недоуменно посмотрел на позвавшую его женщину. Лицо у бабы было круглое, деревенское, на котором странным контрастом висел длинный и крючковатый нос. Ее маленькие глазки осуждающе сверкали. Она напоминала бабу-ягу, вышедшую развлечься, чтобы попугать детей, да заплутавшую в дороге.

– Чего тебе, бабка – миролюбиво откликнулся Николай. –

Неча у меня подавать.

– Кака я тебе бабка – возмутилась женщина. – Мне и пятидесяти нет. А ты вот, орел, подь сюды. Я тебе чего сказать хочу.

Николай подошел и сел рядом. – Ты бы, милой, чем задираться-то, билет бы купил, – посоветовала она. – Нешто охота, чтобы зацапали тебя контролеры в первый день, как освободился?

Николай дружелюбно улыбнулся. – У меня в поезде блат, бабка, – наставительно сказал он. – Жана у меня там проводником работает. Нешто я буду последние гроши на билет тратить?

– Жана, – с упреком повторила баба-яга. – Знаю, кака жана. У меня самой вон такой сидит. – И, подумав, осуждающе изрекла свой окончательный вывод: Тюрьма твоя жана.

Послышался шум приближающегося поезда, и вот он внезапно появился из-за поворота, влетел в тишину полустанка, пыхтя, свистя и стуча колесами на стыках рельс. Потом, наконец, оглушительно чихнул тормозами и остановился.

– Ничего бабка, прорвемся, – крикнул он ей на прощание и побежал к вагону, на ступеньках которого стояла грудастая крепкая проводница, как безумная размахивая платком. Увидев подбегающего Николая, она торопливо зашла обратно в вагон. Одним прыжком Николай запрыгнул на верхнюю ступеньку и забежал вслед за ней в кабинку проводника. Она быстро закрыла дверь, шелкнула замком, сдавила

его шею в тисках своих могучих объятий и стала тихонько, по-бабьи повизгивать, не в силах вымолвить ни слова. Они стояли молча, несколько минут, в объятиях друг друга. Наконец, женщина обмякла, отступила на шаг, жадно осматривая его, как осматривают матери маленьких детей после долгой разлуки и потом, как бы опомнясь, засуетилась.

– Садись, садись – торопливо забормотала она, раскладывая на откидном столе припасенную еду. – Поешь пока, вот, что в дороге накупила. А дома то всего завались. Ох, вот и погуляем сед-ни. Я настряпала целую гору, водки накупила, да никого не пригласила, давай, думаю, вдвоем вечер проведем, чай давно не были вместе. Вот, счас одиннадцать часов, значит на вокзале будем в три. Дома, стало быть, будем к шести. Ох, Колька, ну и рада же я, прямо извелась тебя ожидаючи.

Николай оторвал взгляд от ее сияющих счастьем глаз и уставился в окно на проносящуюся мимо зеленую стену леса.

– Слышь, Катерина, у меня тут дело спешное есть в городе, – сказал он, не то извиняясь, не то оправдываясь. – Отнести мне кое-чаво надо в одно место, мой друг меня просил. Это не долго, ну, часа два, не боле. – Он сделал движение правой рукой, как будто переключал скорости или двигал рычаги. Жена застыла от неожиданности, не отрывая от него испуганный и влюбленный взгляд.

– Чего это ты затеял, Колинька, в первый-то день? – жалобно заговорила она. – Давай проведем сед-ни весь день

вдвоем. Успеются твои дела. Я ведь тебя так ждала.

– Проведем, проведем вдвоем, – торопливо пообещал он и опять, для убедительности, сделал движение рукой, как бы переключая скорости. – Ты ведь знаешь, друг у меня там остался. Я вот отнесу, что обещал, и сразу домой. Я не долго, часа два. Да, не серчай ты на меня, Катерина, не серчай. Я ведь знаш, как по тебе соскучился? Вот, дома покажу. – Николай передвинул рычаги на самые высокие обороты. – На крышу побежишь, чтобы от меня спрятаться.

Лицо жены на мгновение осветилось снисходительной улыбкой женщины, готовой к подобным испытаниям судьбы, а потом снова стало озабоченным и испуганным.

– Поди, опасно это, – без тени сомнения произнесла она. – Да и на што тебе друг еврей? Он еще и из образованных. А ты кто? Два класса и один коридор. Какие вы можете быть друзья?

– Ты не знаш, какой он друг мне, – строго ответил Николай. – Не знаш, через что мы вместе прошли.

– Были друзья там, ну а здесь другая жизнь, – не унималась Катя. – Другая жизнь, другие дела. Али я тебе не друг? Али я тебе не жена, что ждала тебя столько? Мы с тобой тоже через многое прошли. Николай снова отвернулся и уставился в окно. Весна вдруг пожухла, сменившись стужей повседневных забот и грошевых конфликтов.

– Ну, ладно – смягчилась Катя. – Только будь осторожен, Николай. А я пойду работать.

Николай закурил и в задумчивости уставился в окно на убегающие назад телеграфные столбы.

Поезд замедлил ход, приближаясь к городу. Кате еще предстояло работать. Он вышел из купе и столкнулся с ней на выходе из тамбура.

– Возвращайся скорей, не задерживайся, – напутствовала она, не сводя с него восхищенных глаз.

– Скоро буду дома, – пообещал Николай. Он открыл дверь тамбура и спрыгнул на ходу.

Обойдя людный перрон, чтобы избежать ненужного внимания, он пересек привокзальную площадь, зашел в трамвай и, чтобы не встречаться ни с кем взглядом, стал смотреть в окно. Когда не встречаешься взглядом, становишься менее приметным. А за окном трамвая жизнь, простая суетливая жизнь проплывала перед ним как самое интересное кино. От вида молодых женщин, одетых в легкие летние платья, кровь ударила в виски. Их было много, и ходили они, как ни в чем ни бывало, как будто не было в мире насильников и убийц, как будто их не подстерегали опасности. Но вот и нужная остановка, пора выходить и настроиться на серьезный лад. Не тут то было. Спрыгнув с трамвая, он увидел молоденькую женщину, склонившуюся над детской коляской. Ух и видок: и без того короткое легкое платье задралось до самых заманчивых высот, обнажив белые стройные ноги и кружева прозрачных трусов. Такое испытание было выше его сил.

– Хороша жопа-то, – одобрительно сказал он ей, проходя

мимо. Женщина резко выпрямилась, как будто от внезапно-го укола в ягодицу. Николай обернулся и встретился взглядом с парой прелестных и возмущенных карих глаз. Он ответил ей веселой улыбкой, как давний знакомый.

– Ну, не отвлекайся, следи за ребенком-то, – посоветовал он. – Не с тобой ведь говорил, а с жопой твоей.

На остановке послышались смешки. Николай поспешил уйти, на секунду пожалев о своей неожиданной беседе с молодой матерью. Он без труда, следуя дотошной инструкции своего друга, нашел нужный дом и подъезд. Войдя внутрь, он стал бесшумно подниматься по лестнице, осторожно ставив ногу на каждую ступеньку. На третьем этаже он остановился перед квартирой, которую искал, и позвонил. Дверь открылась с легким скрипом, и в проеме появился мужчина лет тридцати, высокого роста, худошавый и подтянутый. Черные волосы его беспорядочной челкой свисали на лоб. Первое удивление при виде Николая сменилось испугом в его темных глазах. Однако он быстро овладел собой и спросил: – Вам кого?

– Вы – Вадим Фридман? – спросил Николай. На этот раз хозяин, открывший дверь, не в силах был справиться с удивлением. Он уставился на Николая, как на говорящую пантеру и утвердительно кивнул.

– Я от Ефима, – тихо произнес Николай. Человек, которого Николай назвал Вадим Фридман, не медля ни секунды, отступил назад и дал знак пройти. Он быстро захлопнул

дверь и протянул руку для знакомства. Николай зажал в тиски своей железной ладони протянутую руку и с удивлением почувствовал ответное пожатие почти равной силы.

– Проходите, пожалуйста, – пригласил Вадим и провел его в комнату. Николай никогда не бывал в таких квартирах. На полированном столе были разложены красивые голубые салфетки, стулья были мягкие, удобные, видать кто-то серьезный и умный основательно и долго изучал человеческие задачи, чтобы смастерить такое. А в серванте были горы посуды, и куда ее столько, целый барак можно было пригласить на обед.

– Садитесь, – пригласил Вадим. – Не хотите ли чего?

– Нет, – коротко сказал Николай и протянул Вадиму сломанные очки и письмо. Вадим сразу же письмо вскрыл, сел напротив и стал внимательно читать. В это время дверь смежной комнаты отворилась с едва уловимым скрипом и перед Николаем появилась молодая, стройная женщина. Ее темно русые волосы были коротко подстрижены и тщательно уложены. Она улыбнулась ему без тени замешательства и страха, уверенно протянула для пожатия свою нежную, без единой морщинки ладонь и представилась: – Меня зовут Марина. Я – жена Вадима. Рада вас видеть. Как вас зовут? – Николай вскочил со стула и с галантностью бегемота осторожно сжал ее хрупкую руку, все пять пальцев, в своей медвежьей лапе. Ну и рука у нее была: маленькая, почти детская, теплая и нежная, не то что у Катьки, жилистая и в морщинах от тя-

желой работы, стирки и мытья.

– Николай, – тихо сказал он, оправившись от мимолетного смущения. С такими женщинами он никогда в жизни не здоровался за руку.

– Оставайтесь с нами пообедать, – пригласила Марина. – Познакомимся поближе. – Она говорила неторопливо, слегка растягивая слова, со спокойной улыбкой на лице, как человек, у которого есть много времени и нет никаких забот. Николай отрицательно покачал головой.

– Не могу. Жана ждать. Сен-ни первый день, как вышел.

– Вы еще не были дома? – удивилась Марина.

– Вот, от друга послание надо перво-наперво передать. А потом уж дома пировать будем.

– Друг Ефима – наш друг, – уверенно сказала Марина. – Я бы хотела с вами еще увидеться.

– Может, подвернется кака оказия, – неопределенно пообещал Николай. – Чего в жизни не бават.

Вадим протянул письмо Марине и встал из-за стола. – Что-ж, – сказал он с наигранной веселостью – неплохо бы пройтись. Я вас, Николай, провожу немного. Покажу наш район, здесь красиво, особенно летом. – Марина в недоумении уставилась на него, но Вадим поднял глаза к потолку и улыбнулся ей в ответ.

– В следующий раз может подольше посидим. Я скоро вернусь, Мариша.

Николай снова осторожно пожал Марине руку на проща-

ние и последовал за Вадимом. Они молча вышли, спустились вниз и только на улице Вадим заговорил.

– Наша квартира – не подходящее место для разговора, – обыденным тоном сообщил он. – Все прослушивается. Лучше на улице поговорим.

– Я знаю, – кивнул Николай. – Меня Ефим предупреждал. Я потому и старался ни че не говорить.

– Мы сейчас пройдем на вон ту стройку, – Вадим указал рукой на каркасы недостроенных домов в двухстах метрах от дороги. – Там есть одно место, откуда ты видишь все, а тебя – никто. Но я вас, Николай, долго не задержу. Расскажу только вкратце, в чем тут дело.

– Ты лучше меня на ты называй, – предложил Николай. – Непривычный я к такому обращению.

– Ефим пишет, – продолжал Вадим – что посылает это письмо, чтобы проверить, как действует канал. Он тебе всецело доверяет, так что если другие люди, передающие почту, надежные, все будет в порядке. Очки он просил починить и постараться передать ему в лагерь. Если он после этого пришлет письмо, проходящее через официальную цензуру, что в очках легче читать, значит, связь нормальная и очки ему передали. А мне нужно сообщить ему кое-что очень важное. – Вадим подошел к стенке кирпичей, с человеческий рост, уложенной буквой П.

– Вот, отсюда нас не видно – пояснил Вадим. – А напротив – только не законченный подъезд. В следующий раз, если

будет необходимость встретиться, лучше это сделать здесь. Я конечно, понимаю, что тебе нет смысла рисковать, достаточно наверное, просидел. Я ни о чем не прошу, это Ефим утверждает, что ты все сделаешь... – Николай слушал рассеянно, казалось, подъезд дома напротив гораздо больше привлекал его внимание. Он вдруг резко встал и, прервав Вадима, сказал: – Погоди-ка, я гляну, чего там внутри. Я счас, ты погоди. – Николай быстрым шагом пересек небольшой пустырь, отделявший их от недостроенного дома, и скрылся в проеме двери. Через минуту он пришел обратно.

– Там есть вход вниз, в подвал. Прямо под лестницей, слева – комната. Я ведь сам на стройке крановщиком работаю, знаю, как дома строят. Так вот, если какая важность будет встретиться, я тебе позвоню и скажу: давай встретимся на том же месте. Значит здесь, в подвале, в этой комнате. Ну, а время, которо скажу, всегда будет на четыре часа вперед. К примеру, надо встретиться в три часа дня, а я скажу в семь вечера. Понял?

– Хорошо, – согласился Вадим. – А могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может, тебе денег нужно? Ты не стесняйся.

Николай нахмурился. – Денег мне не надо, – холодно сказал он. – Я их сам заработаю. А сделать я сделаю все, что могу. Он мне может друг больше, чем тебе. – Николай достал пачку дешевых папирос, но Вадим быстро вытащил из кармана болгарские сигареты. – Давай сначала покурим мои, – предложил он.

– Богато живешь, однако, – одобрил сигареты Николай. – Ты кем работаешь?

– Еще год назад работал инженером, – усмехнулся Вадим. – А потом, как в Израиль собрались, выгнали с работы. Сейчас грузчиком на складе работаю. Красота! Никаких проблем. И зачем надо было институт заканчивать?

– Мой отец тоже был анжинер, – сообщил как бы между прочим Николай. На лице у Вадима не появилось ни удивления, ни улыбки. Как будто не было ничего необычного в том, что отец у Николая был анжинер. Он только отвел взгляд и затаился сигаретным дымом.

– Не веришь, – без тени сомнения произнес Николай. И, переменяв тему, продолжил. – Я тебе тут на бумажке свой адрес записал. – Он достал из кармана и протянул измятый клочек бумаги. – Если за чем понадобится, приезжай. У меня там дом, ну, хата на курьих ногах. Это надо час на автобусе пилить, до деревни то нашей.

Вадим достал из внутреннего кармана авторучку и блокнот. – Это мой телефон – сказал он, отрывая листок. – Звони в любое время дня и ночи.

– Добро, – согласился Николай, пряча листок в карман. – Когда ты починишь очки?

– Дней через десять.

– Пойдет. Я позвоню тебе через десять дней.

– Ты извини меня за любопытство, Николай. За что ты, если не секрет, сидел?

– Какой тут секрет. Мой прораб на стройке все время наряды приписывал одной блатной бригаде. Он их очень боялся. Ну, пока до меня дело не доходило, мне было плевать. А тут он у меня малость снял и им дал. Дело было после полочки и все, как водится, подпили. Я пошел к нему разбираться, а он загрубил чуть, так я ему двинул как следует. Так бы оно обошлось без хипеша, да я приложился лишку и сломал ему челюсть. Его увезли в больницу, там все записали, ну и на меня, понятно, дело завели. Хорошо еще, двумя годами отделался. – Николай затянулся сигаретным дымом и улыбнулся. – Никогда не могу силу свою рассчитать. Либо человека попорчу, либо себе кости на кулаке поврежу. Нельзя мне драться. А так, вообще-то, я никакого отношения к уголовным делам не имею. Никогда не воровал, ничего такого не делал. Хотя много знакомых из шерсти было, ну, из блатных, значит. – И он передвинул невидимый рычаг скоростей.

– Пора идти, однако, – озабоченно сказал Николай, поднимаясь. Они пожали руки друг другу и разошлись.

Домой Николай вернулся уже к вечеру. Начинало темнеть, и в домах зажглись огни. Темнота была ему на руку; не хотелось никого видеть в первый день, кроме жены. А уж она и впрямь ждала.

Не успел он открыть дверь, как она бросилась ему на шею, что-то горячо зашептала, стала целовать и плакать. – Ну, будет, будет, – попробовал Николай успокоить ее. – Счас уж

все, дома.

Катя затихла, застыла, не разжимая объятий. Николай окинул взглядом комнату: все, как было раньше, два года назад, но после квартиры Вадима Фридмана показалось вдруг удручающе убогим. На маленьком пространстве едва помещались стол, четыре стула и железная кровать, и у входа – старый рукомойник с тазом. Но все вокруг было чисто, вымыто, поглажено. А на столе, накрытом блестящей клеенкой, громоздилась всяческая стряпня, да три бутылки водки, ну, словом, все что нужно перво-наперво, когда вернешься после долгой разлуки домой. В раскрытое окно врвался теплый воздух, таинственно играя занавесками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.